

Шауль РЕЗНИК

Литературоцентричным наше общество было недолго. Войны и волны репатриации окончательно смыли тель-авивские кафе с восседающими внутри велеречивыми титанами духа. Раньше газеты покупали из-за стихотворной колонки Натана Альтермана и фельетонов Эфраима Кишона. Теперь – из-за спортивного приложения.

В мир иной ушли Авраам Шленский и Лея Гольдберг. Литературные диспуты канули в Лету, обветшал лексикон израильских прозаиков, а поэзию опутал косноязычный верлибр. Но... за стагнацией культуры обязательно следует ее расцвет. Стихи двадцатилетнего Ионы Гонопольского, в начале 90-х годов репатрировавшегося из СНГ – приворотное зелье, способное заново пробудить любовь к рифмованным строкам, призывно тянущимся справа налево.

– В своей автобиографии Виктор Шендерович указывает: «Перед тем как начать писать, некоторое время читал». Что читал ты?

– Бодлера, Слуцкого, немножко Самойлова. Ивритской поэзией поначалу не интересовался.

– Необычные предпочтения. Неужели шестидесятник Слуцкий близок молодому израильтянину?

– Никогда не был таким, молодые израильтяне стихов не пишут. Хотя в детстве выдумал формулу: «Я – сабра, который по недоразумению родился в Сибири!» Мама об этом периоде жизни вспоминает с улыбкой. Помню, названивал домой, пересыпая речь ивритскими словами. Вообще, по натуре я педант, не люблю смешивать языки. Поэтому после каждого инородного вкрапления останавливался: «Папа, как это слово будет по-русски?»

«Молодой израильтянин» – расхожий штамп, да и Из-

На полпути в хрестоматию

Иона Гонопольский
реанимирует
израильскую поэзию

раиль – это понятие неоднозначное. В социокультурном плане есть много Израилей, и нигде я толком не пустил корни.

– Причина?

– Скепсис, наверное. Я ощущаю сопричастность с советскими «шестидесятниками», а моя младшая сестра, к примеру, слушает Высоцкого. Как сказать по-русски: «зе медабер элеа»?

– М-м... Это ей близко.

– «И все так же, не прощ, век наш пробует нас – можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь, в тот назначенный час?!» Когда я читаю «Петербургский романс» Галича и дохожу до этого места, слезы стоят в глазах.

По-моему, именно неус-

троенность, нежелание «стать, как все» способствует творчеству.

– Вспоминается цитата из Довлатова – «Не будет лыжами по морде, стихов не будет». Поделишься секретами мастерства?

– Пишу нечасто. Нужен определенный настрой. Что же касается тем... я как-то подметил – о том, что наиболее беспокоит, стихов, как правило, не сочинишь. Более того, готовое произведение мало похоже на первоначальный замысел. В плане рифмовки стараюсь соригинальничать, выпендриться, прости за выражение. Беру пример с русских поэтов. Хотя – смотря с кого. Велемир Хлебников, к примеру, перебарщивал с формой в ущерб

содержанию.

Придумывается первая строка, вторая. Проверяю: правильно ли сказано, красиво ли получилось? Раньше меня беспокоило, верно ли передан смысл – оформить его надлежащим образом не получалось, хотя мне казалось, что я сочиняю стихи безупречно.

Долго перебираю рифмы для третьей строки. Знаешь, какие в Израиле детские песни? С рифмой «симха – гаава», своими ушами слышал.

– Незнайка, как известно, рифмовал «палка – селедка».

– Причем такого рода рифмы считаются вполне проходными. С другой стороны, бывает, изучаю моего любимого Альтермана с воодушевлением, дохожу до конца стихотворения и задумываюсь: о чем же он писал? С другой стороны, именно в этом заключается секрет альтермановского слога – вместо стандартной цепочки «прочтение – понимание – восхищение» создаваемые этим поэтом образы напрямую впитываются подсознанием. Хотя сюжетная линия второстепенна: город проснулся, город шумит...

– У Шленского та же история. Переводчик он гениальный, а поэт, по-моему, блеклый. О Бялик что скажешь?

– Высокопарный он какой-то. Я по схожей причине Пушкина недолюбиваю. Бялик творил в те времена, когда иврит был тяжеловесным, запруженным многослойными метафорами.

– А современные израильские поэты тебе как?

– Пишут серо и неприметно. Натан Зах даже возвел это в ранг идеологии в пику ранее упомянутому Альтерману. Недавно я приобрел сборник произведений Иегуды Амихая с параллельным переводом. У неискушенного читателя может создаться впечатление, что перевод – это и есть оригинал. Гладкие фразы, сочный русский язык.

Чем подкупают такие стихотворцы? Типографией.

Разбиение на строфы, текст с огласовками и хромированная бумага производят на неискушенного читателя ошеломляющий эффект.

– Ну да, прозаик Амос Кейнан нашинковал таким образом прозу – и на тебе! Новый поэт родился.

– Или вот поэтесса Йона Волах. Автор совершенно безумного стихотворения о том, как она наматывала на своего хахала тфиллин. Или он на нее, не помню точно. Из поэтов нашего времени нравится разве что Арье Сиван. Размер его стихов подкупает, хотя сам автор часто отходит от выбранного ритма. Тематика Сивана – Эрец-Исраэль, халуцианство.

Давай будем откровенны, русский язык куда богаче иврита.

– Доказательства?

– В русском языке существует невиданное количество синонимов, гибкое словообразование. Для адекватного перевода пожелания «зашибись» требуются аж четыре слова на иврите. Имей в виду, академических обоснований ты от меня не дождешься: «А кто я есть? Простой хороший парень».

– «Простой советский человек».

– На двух языках, которыми владею, я читаю с одинаковой скоростью. «Сто лет одиночества» Маркеса проштудировал в переводе на русский. Жутко понравилось. А «Любовь во время чумы» попала в ивритском переводе. Я с трудом дошел до середины и поклялся больше Маркеса не читать.

2000 лет тому назад арамейский вытеснил иврит. Этот язык положили на полку и достали в XIX веке. Иврит по сей день не отряхнулся от пыли, не расправил крылья. Тем не менее, я пишу на этом языке.

– В стол пишешь?

– Публикую свои произведения в Интернете (<http://stage.co.il/Authors/12986>). Реакции посетителей сайта – «забавно», «хорошее стихотворение», «очень мило». В выпускном сочинении я написал: «Через несколько десятков лет мои произведения будут проходить в израильских школах наряду с классикой ивритской поэзии».

– Хочешь стать новым Альтерманом?

– Дай договорить: сочинение я сдал, и мне вклеили 69 баллов. Очевидно, за нахальство. А занять место Альтермана... знаешь, это огромная ответственность. Залог хороших стихов – вдохновение, которое приходит редко. А бесцельно тратить слова не хочется. Боязно.

בָּאן צָר, בָּאן חֲנוּק, בָּאן כְּתָלִים, רֵהִיטִים וְנִירָת
וּמְקוֹם אֵין בְּלִתִּי לִי וְזִמָּן לֹא נָגוּס יֵשׁ לָרֵב.
אֵל תְּבוֹאוּ לְשֹׂאוֹל הַמָּא בְּקֶת שְׁלִי, הַמִּסְגֵּרֶת,
אֵל תִּפְרִיעוּ בְּרִחַב שׁוּרֹת מְרַחֵב עֵין לְגִנָּב.

רַק אָמְרוּ מְרַחֵק כִּי לֹא שְׂכַחְתִּינִי עַד־ן,
שְׁשָׁמִי בְּרִשְׁמִה, אִם אָפְלוּ אַחֲרוֹן הוּא רֶשׁוּם,
שְׁאָרָץ רַבָּה לֹא נִשְׁתָּה אֶת מִדְרֵךְ כְּפוֹתִי,
שְׁשִׁתִּי לֹא אֲבִד כְּשֶׁלְשֵׁאת אֶת הַדֶּרֶךְ אֲשׁוּב.

Из стихов Ионы Гонопольского

* * *

Спертый воздух. Буфет. И бумажные преют рулоны.
Места нет, но в достатке немало пригодных минут.
Не касайтесь границ преисподней моей запыленной,
Не мешайте чужие просторы строкой помянуть.

Лишь промолвите издали, что меня не забыли,
Что по-прежнему в список, хотя б и последним, внесен.
Что взыскать мою поступь отчаялся край изобильный,
Что дорогу обратно найду я, хмельной и босой.

(Перевод с иврита)